

УДК 821.161.1-1

ОСОБЕННОСТИ ИДИОСТИЛЯ ПОЭЗИИ МИХАИЛА СУВОРОВА**В. А. Редькин**

Тверской государственный университет

кафедра филологических основ издательского дела и литературного творчества

Поэзия Михаила Суворова – по своему характеру реалистическая, со свойственной для реализма конкретностью фактов, точностью деталей, бытописанием. В то же время в его стихах присутствуют элементы романтизма с характерной поэтикой сна, противопоставлением героя толпе, ассоциативно-метафорической образной системой. Особое место в его стилевой системе занимают звукопись и цветопись. Поэт уходит в свой внутренний мир, не принимая современную социальную действительность. В лучших своих стихах он выходит на философский уровень осмысления бытия. Основой его оптимизма является вера. Природу он воспринимает как Божий мир. Мастерство и профессионализм поэта проявляется в разнообразии строфики, в тонкой инструментовке, в своеобразии топики.

Ключевые слова: *М. Суворов, идиостиль, романтизм, реализм, звукопись, цветопись, метафоричность, природа, национальный характер, вера, любовь, родина.*

«Опыт изучения тверской литературы свидетельствует о том, что в ней постоянно возникают интересные и значимые в том или ином отношении явления и она обладает определённой целостностью, самодостаточностью и вместе с тем органически вписывается в общероссийский литературный контекст» [2, с. 69]. В этом смысле творчество Михаила Суворова – одно из самых примечательных поэтических явлений Верхневолжья. Война в детстве задела будущего поэта своим черным крылом, и хотел бы он избавиться от тяжелых воспоминаний и ярких цветных снов, да это было сделать невозможно. В 13 лет от минного запала потерял зрение. По представлениям наших православных предков, страдание возвышает и очищает душу, через страдание и распятие лежит путь к Истине. Через призму собственной беды поэт воспринимал мир, несчастья и радости страны, народа и всех окружающих. М. Суворов в своих стихах стал философом? Нет. Но определённая мудрость, взвешенность, ощущение временности земного бытия, особой красоты видимого мира у него появились рано.

Михаил Иванович Суворов – автор шестнадцати поэтических сборников, член Союза писателей России. О М. Суворове и его творчестве сказано много добрых слов. О нем писали Б. Полевой, С. Баруздин, В. Боков, А. Дементьев, А. Скворцов, А. Малеев, Н. Попов, Н. Мазурин, Ю. Никишов и многие другие поэты, прозаики, журналисты, критики. Не уставал пропагандировать его творчество Л. Сланевский, рекомендуя его произведения к изучению в школе. Он был хорошо знаком с поэтом, дружил с ним, знал тайники его души. Как отмечал А. Скворцов в статье «Гражданское мужество поэта»: «Поэзия Михаила Суворова человечна и демократична по своему содержанию» [4, с. 3]. Критики находили в его стихах оптимизм, задор, романтику, боевитость, высокое патриотическое чувство... Действительно, у М. Суворова было много поэтической публицистики. Но и в ней пробивалось

стремление защиты личности и национальной государственности. Отсюда внутренняя полемичность, неприятие некоторых мыслей, мнений, лозунгов, определенного поведения. Стихотворение «Все мы любим людей», открывавшее сборник «Капли зари» (1966), высмеивает внушаемое газетами абстрактное сочувствие индейцам, африканцам и жителям Европы. Помогите конкретному человеку: больному соседу, многодетной вдове, – фактически призывал поэт.

В 1980 году А. Дементьев писал: «Михаил Суворов по сути своей лирик. В его стихах живет неистощимое удивление от бесконечных открытий, которыми одаривает его жизнь. В стихах, посвященных природе Верхневолжья, чувствуется не только поэтическое осмысление вечности бытия, но и бесконечная влюбленность в мир, в его красоту и романтику» [1, с. 4].

«Свершает солнце поворот, / Не знает время передышки. / И вот по капле соки вышли, / И начинается полет. / По кругу вниз, по кругу вниз, / На землю, в землю, / Значит, к Богу...», – не о кленовом это листе, а о себе, конечно, о загадке жизни и смерти. «Туда стезя неблизкая, / Пора, пора домой! / Уже и солнце низкое / Погасло за спиной», – какие это пронзительные строки! «Сколько снега, сколько злого снега, / И сугробы, словно валуны! / Добреду ли нынче до ночлега? / Добреду ли завтра до весны...» – какая грусть! Обостренные чувства поэта не только помогали ему компенсировать отсутствие зрения и представлять мир ярким и красочным, но подчас ощущать и незримое. В стихотворении «Шаги» передается то ли сон, то ли явь, когда поэт слышит тихую поступь умершей матери, которую просто невозможно не узнать: «На меня кто-то влажно дохнул / И прошелся ознобом по телу. / Кто-то рядом рябину качнул, / – Долго-долго она шелестела...» [5, с. 63]. В поэзии М. Суворова есть целый смысловой пласт, который критики прежде старались не замечать и пафос которого заключен в отчаянном восклицании: «Бог ты мой, разгадать помоги...».

В глубине строки М. Суворова заключён скрытый смысл. Будто поэт знает какую-то тайну мироздания и только намекает на нее, а не говорит открыто: эта тайна – в трагическом мироощущении поэта. Эта тайна – в одиночестве. Обыкновенный обыватель старается не замечать своего одиночества в этом мире (он остро чувствует его, может быть, только в момент смерти), а человек, отрезанный от мира слепотой, чувствует его, наверное, постоянно и проникается трагическим ощущением отчуждения друг от друга всех и каждого. Тяжелы поэту «часы пустоты», тоски, невидимых миру слез: «...Часто в сердце слёзы закипают, как родник», – признается стихотворец, «и подкатывает к сердцу холод тройкой расписной», и хочется «...Богу помолиться истово тайком». «Таланты – всегда эмигранты», – искренне считает он. Не случайно смысл своего творчества поэт видит в том, чтоб «сдружить Одиночество природы / С одиночеством души» [Там же, с. 8]. Его приобщение к вечности, неприятие суеты, лучшие поэтические строки – всё это результат чувства одиночества (стихотворении «Одиночество»):

Я запрешь на засовы,
Жалюзи опущу,
Драгоценное слово
Для стихов отыщу.
И заботы, и праздник
Смоет пенная тишь.
Я мечтал, только разве
От себя убежишь [Там же, с. 53].

Реалистическая деталь приобретает у поэта значение символа, щелочки в иной, духовный мир. Капли росы, например, становятся каплями зари, солнца, частичками бесконечно прекрасной природы, радости жизни, любви: «Я люблю вас, ромашки, / Луговые ромашки, / Лучезарные, в каплях росы, / Тонконогие, словно девчонки. / А девчонок я очень люблю».

Для идиостилия Суворова характерна покоряющая искренность. М. Суворову удавалось создать немало ёмких, афористичных, значимых строк. Точная конкретика умножается здесь на многозначную символику. «Разломали храм однажды и забыли цель...». К сожалению, так и бывает, идет ли речь о старой церквушке, сложном государственном здании, социальной системе или храме души отдельного человека. Но, с точки зрения поэта, духовные ценности неуничтожимы: «Затопили колокольню, но звенят колокола».

С чем ассоциируется у М. Суворова труд поэта и с кем сам поэт? «Шоферы и поэты, / Мы сходны по судьбе», – восклицает он в стихотворении «Ночные рейсы». А позже соотнесет поэта с образом путника, ждущего подаяния: «Не для меня чужой уют – / Подайте бедному поэту! – / И, слава Богу, подают». И все-таки автор не верит, что спад внимания к поэзии, наступивший в переломные перестроечные годы, продлится долго.

Михаил Суворов – один из тех в нашей тверской поэзии, кто тщательно работал над формой. Главную роль в поэзии играет образный строй речи, слово в контексте смыслов и звуков. Выразить свое видение мира стремится и М. Суворов. Вот и появляются у него характерные только для него сравнения и метафорические выражения: «Но детская влюбленность / Как ранние рассветы: / Они еще туманны, / Но их не погасить», «...Земля /в синих лентах речек, / где купается заря, / Освежая плечи», «Я – береза, только слезы / Не ищи в моих глазах. / Я баюкаю морозы / На серебряных ветвях».

Для поэта особое значение имеет звучание стиха. Он не раз признавался, что в муках творчества немалое место занимает поиск созвучий: «То цветы ищу в полях, / То созвучия в словах...». Звуковые повторы, звуковые метафоры органичны и естественны в его стихах. Река Руза рифмуется с арбузом и лазурью. «А за горами громыаает гром, / И шар земной дымится под ногами», – заметим, как тонко с помощью инструментовки поэт передает грозное небесное начало (аллитерация «гр») и мягкое земное («С каждой утратой удары больней») – звуковой повтор (*тра – дар*) усиливает значение слова. Эпитет он подбирает не только по зрительному соответствию сути явления, но и звуковому: «литая сила», «размашистый маятник».

В замечательном по искренности и проникновенности стихотворении «Цвета и формы» М. Суворов пытается передать присущие ему способы познания мира – осязанием, обонянием, на вкус, «кровью сердца, чуткой кожей»:

Слышу звезды, слышу росы –
Звукам утра кто не рад?
На губах моих покосный
Незабытый аромат.
Наплывает густо, внятно
Горьковатая теплынь:
Здравствуй, медленная мята,
Здравствуй, мудрая полынь! [Там же, с. 8].

Характерно для поэта умение перевести свои ощущения в звучащее слово. «Медленная мята» – это как наплывы запаха аромата полей. «Невозможное возмож-

но» в поэзии, так что стихотворец вправе заявить: цвета и формы мира «всем видны и мне видны». И, может быть, только у него возможна такая ассоциация: «Полная пустая тишина / Не таит ни запаха, ни вкуса – / Бузина стоит обнажена / И ветвями вздрагивает грустно». Тишина у него «лазурная», лист кленовый с ладони «скользит с печальным звоном».

В 50–60-е годы поэт рисовал особенно яркий цветовой, живописный мир, как будто пытался компенсировать вечную темноту слепого, как будто хотел, чтобы читатель не догадался о страшной личной беде. Вот строки стихов, взятых из сборника «Капли зари» и более поздних книг: «Звёзды считаю, как желтых цыплят», «небо синью плещется», «голубая тишина», «Красногрудым снегирем / На снегу заря играет», «на рябине рдеют гроздьи, / Будто губы у тебя», «неба синь», «Белый куст сирени», «весна расплескалась голубою волной», «Она ступила гордо / На золотой песок», «Плечи розовели, / Облитые зарей» и т. д. Мы просто не замечаем этих ярких цветов окружающего мира, потому что привыкли к ним. Мир более ярким предстает в воспоминаниях и снах. Это просто та индивидуальность и неповторимость, которая так ценится в искусстве.

Тормозят машины:

На шоссе закат.

Желтые осины

Свечками горят.

На рябине красной

Ягоды желты.

Льется свет опасный, –

Хуже темноты [Там же, с. 21], –

рисует поэт яркую импрессионистическую картину в стихотворении «На шоссе», заканчивая образом сарьяновской яркости: «Пляшут блики косо, / Словно апельсины / Скачут под колеса». Так и хочется воскликнуть: «Да полно, точно ли это наша среднерусская полоса, а не экзотические субтропики?» Но осины и рябины сомнения развеивают. Вот они, пронзительно щемящие воспоминания зрячего и зоркого детства: «А липа сыплет желтые цветы / На деда, на меня и на кусты, / Где я стою в рубашке синей-синей / И на ладонь ловлю медовый ливень». В стихотворениях 90-х годов мир поэта не то чтобы потускнел, а стал более реальным, не таким красочно-романтичным и броским. По словам С.Ю. Николаевой, «романтическое искусство предваряет историю реализма в русской литературе, служит в ряде случаев первоосновой его развития» [3, с. 67]. Это относится ко многим русским писателям. Именно в таком русле развивается и творчество М. Суворова.

Так же необычна и романтически выпукла у М. Суворова деталь окружающего мира. М. Суворов точно скажет, какие глаза у зайца: «Да, у зайца славные глаза – / Темные с коричневым отливом», а у скворца «Чуть отставлено крыло, / Отливает сталью». Широко используется поэтом психологическая деталь в изображении природы: «Над рекой растерянно / Бабочка порхала». На самом деле это растерян малыш, у которого нырнул и никак не вынырнет отец. Или: «Утро медленно веки открыло», яблоня «глядела печально вокруг, / Будто старая мать», «А заря умылась у реки, / Синевы в ладони нацедив...», «Лес без песен точно сирота» и т. д. И напротив, человек характеризуется образами из мира природы: «Метались жалкими птенцами / Глаза под крыльями бровей». Особое место в поэзии Суворова занимают образы нашего милого лесного зверья, домашних животных и птиц («Котенок», «Гусь», «Кукушка», «Сорока», «Скворец», «Бронзовый голубь», «Митинг»,

«Журавлиная строчка», «Заяц», «Волк», «Муравей»). Конечно, все они очеловечены, одухотворены, те же боли и радости, что и у людей, те же проблемы и трагедии: «Хорошо бы прилетели дети – / Почему-то страшно за детей». А вот и тягостное расставание с жизнью: «Птичка-невеличка, словно спичка, / Молча догорает под кустом».

И все-таки декларативность и лозунговость поначалу утомляла читателя: «Но выше страха – разум!», «Если есть в любви законы, / То должны быть нарушители», «Каждый также в свой черед / К солнцу с девушкой уйдет», «Где есть любовь, / Там нет покоя, / Где есть покой, / Там нет любви»; и просто: «Я любви хочу!». Позже, начиная с конца 60-х годов, М. Суворов стал чаще прибегать к декларации, основанной на метафоре, имеющей символический характер: «Пусть малыш бунит и растет зубастым!» – восклицает поэт в конце стихотворения «У мальчонки зубы режутся», и ясно, что имеется в виду активная позиция в жизни, полной жестоких схваток и возможных синяков. «Как орда Тамерлана, ты прошла по любви», – это обобщенный образ, срез трагической ситуации неразделенной любви. Библейский образ Иуды поэт прилагает к современности: «Россия взбаламучена до дна, / А в небе беспокойная луна... / Хитрят и предают почти повсюду. / Осины есть. Осина ждет иуду!».

Одной из сквозных тем творчества М. Суворова является память войны. Среди стихов на эту тему поистине замечательны «Ночь на Курской дуге», «Ветераны», «Солдаты». Трогательно стихотворение о смерти маленькой сестренки, написанное на автобиографической основе:

Я помню глаза сестренки,
Я помню такие глаза,
В которых стояли потемки
И медленно стыла слеза.
А рядом порхали стрекозы,
На крыльях – голубизна.
А рядом в закате розовом
Ворочалась глухо война [6, с. 10].

У М. Суворова обращение к образам войны становилось иногда как бы приемом, оттеняющим светлую современность. Красиво и счастливо шагают пионеры по проселкам страны, несмотря на грозы и встречный ветер, но «Деды этих пионеров / На грозу в шинелях серых / Шли к Можайскому шоссе»; счастливо и бодро разъезжают наши туристы «на Дунай и за Дунай, / И на Вислу, и на Одер...», – но не надо забывать тех, кто когда-то «По Европе трудно, с боем / Прошагали гордые. / Сколько их на берегах / Вислы, Одера, Дуная / Прикорнуло на века».

Обращают на себя внимание остросоциальные стихи. В 90-е годы это «Бомжа» – о вокзальных бомжах и проститутках, «Обида» – об обычном для нашего времени явлении, угоне и «раздевании» машины, «Эмигранты» – о том, что сейчас наступила пора России «собирать сыновей нелюбимых», «Последний шаг» – где выражена мечта о судном дне для разорителей России.

М. Суворов живет в одном времени и одними мыслями с читателем и, к сожалению, оказывается иногда даже более доверчивым, чем они, может, оттого, что все-таки часть визуальной информации остается для него скрытой. Перед настоящим временем он явно растерян. Он не может не знать о нынешних бедах и страданиях, но кто виноват, ответить не в состоянии: «Кто распял и души, и тела? / Вроде бы и нету виноватых». Эта потерянности приводит к возникновению соот-

ветствующих образов: «Неуютно в поле, неуютно: / Волки воют и куранты бьют... / Где теперь отметины маршрута? / Компас врет, как все сегодня врут». И возникает вопрос: «О чем писать? / О жалких буднях, / О политической возне?» А попытка все-таки назвать виновных оказывается слишком прямолинейной, не очень убедительной, а главное, мысль выражена в неудачной с точки зрения образности форме: «Но посольства посреди Москвы, / Как насосы, кровь качают нашу». Отсюда горькое сетование Пегасу о невозможности заново прожить жизнь и переписать некоторые прежние стихи:

Ты недоверчиво косишься,
Крылатый зверь?
Косись, косись...
Известно, что не перепишешь
Былых стихов, былую жизнь.
Я не боюсь суда людского,
И все-таки душа болит.
Давай, Пегас, проскачем снова
От «А» до «Я»...
Но конь молчит [5, с. 9].

Стихи М. Суворова 90-х годов – это документ эпохи, отразивший беспросветную трагедию народа. Бездействует милиция, «пропивает добычу ворье», «в цеху заводском чудят бракоделы»... «Вот так на Руси и живем...», – подводит неутешительный итог поэт. Конечно, М. Суворов отнюдь не ханжа в стихах. Он поэтизирует все, что не чуждо человеку. И все-таки по большому счету в иерархии ценностей высокое место занимают у него чистота помыслов и дел, целомудрие. Как он бережно относится к «нецелованным березкам», как он нежен со своей возлюбленной! У него проявляется особая, нравственно заостренная направленность образа: «Ослепшая зависть и ложь».

Сложен вопрос о мировоззрении и вере Михаила Суворова. Однако иконопись для него, видимо, всегда несла в себе идею подлинной духовной красоты. Не случайно в замечательном стихотворении «Над прорубью», рисуя облик прекрасной, может быть, слишком доверчивой и несчастной женщины, поэт обращается к национально-православным традициям: «Женщина от проруби / Подняла глаза, / Строгие, огромные, / Как на образах. / Прижилась горчинка / В грустных, голубых, / Словно Русь лучинная / Так и тает в них». Уже в 60–70-е годы поэт не избегает таких слов, как *крещение, причастие, распятие* («В горьких реках России / Я рожден и крещен»). Но, судя по стихам поэта, он так и не пришел к твердой вере наших прадедов, догматам исторического христианства, хотя типологически, по заряду вложенной в слово любви, он близок к этому. Все осязательнее становится евангельский текст в его стихах, хотя М. Суворов был, конечно, сыном своей эпохи, со всеми её соблазнами, заблуждениями и страстным поиском веры: «На распутье стою, / Словно храм без икон, / А на землю мою / Опускается звон. / Я к нему не привык: / Он как будто ничей, / Колокольный язык / Возвращенных церковей».

«Мне кажется, что небо создавало всю нашу землю из самой любви», – это признание в одном из последних прижизненных сборников вполне искренне. М. Суворов начинает осуждать «безбожную эпоху» и безверие: «Креста березе не хватает...». Больше того, в стихах последних лет жизни появляется образ Христа как символа высшей красоты и чистоты: «Белых лилий россыпь на воде / Как следы идущего Христа» [Там же, с. 10]. Да и образ России трансформируется в Свя-

тую Русь и рисуется через призму библейского текста: «Никакая ты не Магдалина! / Ты навек с Христом обручена, / Отряхнись и встань опять невинной». Все чаще поэт вспоминает Бога и начинает писать это слово с большой буквы: «На землю, в землю, / Значит, к Богу. / Еще чуть-чуть, еще немного, / И я сгорю, как этот лист». Думается, появившийся в последнее время сквозной образ горячей свечи тоже как-то связан с церковью: «Ладаном кадиланицы курятся, / И мерцают свечи даже днем», «Кувшинки в июле цветут, / Как будто зажженные свечи / Русалки куда-то несут...». А вот проникнутый православным сознанием пейзаж: «Вокруг российская юдоль, / Где день лампадой догорает, / И выедает очи соль», «Испил воды – испил молитву на древнем чистом языке», «И стоит собором вечным / Ель, покой храня. / На ветвях мерцают свечи, / Только нет огня», «То ли ангел серебристый, / То ли самолет» и т. д.

Впрочем, поэт не отказывается и от своих древних языческих корней. «Вся языческая древность бродит в жилах у меня», – передает он свое подсознательное ощущение родственности с дохристианской Русью. И кажется ему, что березы горят «В языческом тумане, / Как русская душа».

Все чаще начинает М. Суворов обращаться к национальной истории («Языческий сон», «Ярославна», «Монолог Отрепьева», «Кинжал Грибоедова» и т. д.). У него появляется некоторый эпический размах по типу стихов А. Твардовского («Карта России», «На горе Митридат»). Тревога за судьбу Отчизны становится у Суворова вровень с собственной нескончаемой болью. «О, Матерь Божья, помоги Руси многострадальной нашей», – вырываются у поэта слова мольбы в поэме «Ночь княгини Ольги». И речь здесь идет не столько о времени тысячелетней давности, сколько о современности. В стихах М.И. Суворова появляется образ загадочных темных сил, сгустившихся над Россией: «Кто-то творил чудеса / В маске угрюмой, как ворон...», «От слёз людских и лживых слов / Душа России пожелтела...».

В своей пятой книге стихов «Стоимость солнца» поэт в декларации заявляет о стремлении выйти к глобальным, планетарным проблемам современности, отказавшись от позиции «озорного мальчишки», который «слишком долго тешился стихом, где рифмы голубели васильками». Возникает образ дымящегося земного шара, раненого, кровоточащего солнца. Неслучайно его обращение к фольклорной традиции, в частности к былине. Былинный эпос интересен Суворову не столько с чисто исторической стороны, сколько со стороны нравственно-психологической. В пример можно привести использование сюжета былины «Вольга и Микула». Здесь развивается мотив гордой независимости Микулы Селяниновича и уязвленного княжеского самолюбия. Используются (правда, несколько трансформированно) и сюжеты об Илье Муромце и Соловье-разбойнике, о Святогоре.

В мире, созданном поэтом, царит милосердие и сострадание, «березы санитарками хлопочут», и поэт «готов сменить страницы на бинты», но тут же он замечает, что у тех же «берез летучие ресницы такой земной греховной красоты!». Получается, что острые политические, идеологические, социальные проблемы, которые проникают в его поэзию, в образе, музыке стиха, звуковом повторе поэт стремится эстетизировать, обратить внимание читателя на прекрасные мгновения жизни. Это скрашивает впечатление при перечитывании стихов 1950–1970-х годов, слишком замкнутых на своем времени.

Многие стихи М. Суворова в своей основе сюжетны, даже стихи о природе. То это рассказ о том, как ласточки вступили в бой с коршуном, то о том, как журавлиную свадьбу прервала «равнодушная двустволка», то повествование о судьбе бе-

резовой рожи в годы войны. Стихотворение «Пудель» – о том, как какой-то татарин, рискуя жизнью, спас собаку, – вообще приближается к балладе.

Ему удаются жанровые картинки, например, красочного базара в «Сентиментальной балладе» или отела коровы в стихотворении «На рассвете»:

Хозяин лицо утирает,
Дрожит от волненья рука.
Он тоже утробно вздыхает
И поднимает телка:
– Смотри, белоногий сынишка!
Неужто не хочешь взглянуть! –
Корова натруженно дышит
И тянется сына лизнуть [Там же, с. 19].

При этом стихи, как правило, имеют целью не просто живописать быт, а выразить определенную мысль. В данном случае авторскую, в традициях романтизма, когда герой противостоит окружающей действительности и отстаивает свою позицию в жизни: «Я, как чужак, стою среди веселья, / Среди забот и вечной суеты... / Да ну вас к шути... Я не покупатель». Впрочем, автор и не продавец, он – творец, художник. Поэзии он отдает весь жар своей души.

Постепенно образ в некоторых стихах М. Суворова насыщается глубинно-философским содержанием. Человека часто сравнивают со звездой, но поэт как бы разворачивает сравнение во времени и возможном драматизме человеческой судьбы: «Люди восходят, как звезды, – долго ли будут гореть?» Образы природы приобретают бытийный характер, сопрягаются с основным вопросом философии. Нет, не что первично или вторично, а что такое жизнь и смерть: «И луна кругла, как циферблат, / Только трудно стрелки разглядеть, / Что часы далекие таят? / Может стать, нашу жизнь и смерть». Поэт разгадывал живые письмена природы, тайный шифр судьбы – и своей, и страны, и своего народа. И если образ дороги сквозной в его творчестве, то в последнее время все чаще возникал у него образ потерянной дороги, храпящих у ворот коней: «Значит, дорога легла / К древней церковной ограде...», «И мчится тройка удалая, глаза испуганно скосив. / А где дорога столбовая – / Никто не знает на Руси!»

Черты индивидуального стиля ярко проявляются у Суворова в его интимной лирике. Не случайно так много стихов Михаил Иванович посвятил своей жене Ирине, которая была его ангелом-хранителем и бесценной помощницей. И все они – о красоте Божьего мира и о нескончаемой на земле любви («Природа», «Рисунок», «Подожди», «Сударыня», «Лилии», «Бузина» и многие другие). И, как всегда, свое, личное поэт вкладывает в строки, воспевающие роль жены в судьбе писателя, тем более писателя слепого:

Жена по высоким природным законам –
Вторая бессонная мать.
Слагают стихи о невестах влюбленных,
А надо о женах писать...
Поклон вам, совсем не спесивым,
Поклон вам, заботливо-гордым! –
Недаром Земля и Россия
В грамматике женского рода [Там же, с. 23].

Впрочем (может быть, в шутку), он говорит и о «крутости» жен. Так, появляется новый, неожиданный поворот в сюжете об Илье Муромце и Соловье-Раз-

бойнике: «Соловей-разбойник – полбеда, / Вот жена разбойника – беда!». Тема любви в поэзии – лакмусовая бумажка, определяющая, лирик ли поэт в душе или «эпик». Лиризм в поэзии М. Суворова явно превалирует, и, к счастью, стихи он посвящает не только жене. Замечательны стихотворения «Жар-птица», «Первый поцелуй», «Вопрос» и многие другие. Это стихи-воспоминания, стихи-фантазии: «Хохочи во весь горячий рот – / На губах твоих заря цветет. / Лепестки ромашки на губах, / Бесенята мечутся в глазах», «Были губы, и гиблые речи, / И кудрей золотое руно, / Обнаженные жадные плечи / И похмелья скупое вино». В целом удачен цикл «Легенды о любви». Живописно и зримо рисуется здесь пленительная красота богинь и земных женщин, непреодолимое влечение и жаркая страсть, а еще самоотверженность и верность. Некоторые стихи имеют притчеобразный характер с обобщающим выводом: «Любовь за трусость не прощает», «Миг любви – великий миг!», «Всесильны боги, и сильны мужчины, / Наверно так, но женщины сильнее!», «И жизнь, и смерть – одно мгновенье», «Если разучились удивляться, / Значит, разучились и любить», «Так бывает – жизнью платят / За волшебное “люблю”». Это не переложение, а тем более не пересказ легенд и мифов, а скорее собственное решение темы Пигмалиона, Нарцисса, Ярославны, Марины Мнишек, персидской княжны и т. д.

Лирическое начало доминирует в поэмах М. Суворова, и в сюжетных, и в бессюжетных. Крупные жанровые лиро-эпические формы стали появляться у поэта еще в начале творческого пути: «Баллада об отце» (1958), «Баллада о Тамаре» (1959), «Августовская ночь» (1960), «Весенний разлив» (1961), «Плечом к плечу» (1976), «Красный цвет» (1982). Ряд поэм был создан им и в последние годы жизни. Поэма «Начало» наиболее интересна и личностна по теме и по способам ее воплощения. Она рассказывает о деятельности французских подвижников-просветителей, давших возможность слепым читать и писать. Повествовательность несколько не мешает лиризму, который проявляется в выборе самой темы, героев, во введении собственного биографического времени. «Гарь осела. И мальчишке, / Потерявшему глаза, / Часто снятся злые вспышки – / Бесконечная гроза», – вновь выплескивает поэт свою главную боль и вспоминает, как жалели и помогали ему люди, как он ехал учиться в школу слепых и не знал, как же теперь он будет читать и писать. Но личная судьба сходна с судьбами тысяч других людей в прошлом и настоящем, и лирическое «Я» замещается на не менее лирическое «Мы»: «То болезни, то случайность, / То война, война, война... / Нас от солнца отлучили, / Сердце вымучив до дна». И там, где речь идет о кровном, близком, находятся особые слова, и звучит повышенная экспрессия. Кстати, все это любопытно читателю и в познавательном плане: факт создания «шеститочья» Луи Брайля – азбуки для слепых сам по себе каждому очень интересен, но что это значит для человека, утратившего зрение, может передать только тот, кто сам испытал отрезанность от мира, от книги, а значит, от знания: «Мнилось мне, / что эти точки – / Зерен спелый урожай. / Наконец-то, / если хочешь, / Сам пиши / и сам читай. / Строчки пахнут хлебом вкусным, – / Сколько их в моих руках / На французском, / и на русском, / И на прочих языках!»

И в поэме «Красный цвет», эпиграфом к которой можно было бы поставить начальные строки: «Мир вокруг еще суров, / В мире горя под завязку...», – все та же личная боль: «Родится сын. Забрезжит робко / В его ресницах дальний путь. / Но никогда в глаза ребенка / Ты не сумеешь заглянуть...». И в поэме «Мой Островский» все та же, проникающая в миниобраз собственная боль: «Я знаю войну. Я не раз умирал. / Мое воскрешенье как милость. / Я пальцами, кожей потом прозревал.

/ Глазами прозреть не случилось». И в поэме «Поэт»: «Взрыв отнял у мальчишки / Света спелую гроздь, / Тьма меня окружила...».

Следует сказать о песенном творчестве М. Суворова. В содружестве с московским композитором Павлом Ермишевым им была написана широко известная песня «Цвети, земля моя!», которая в исполнении Розы Рымбаевой, Ларисы Кандаловой, Тамары Гвердцители трижды занимала первое место в конкурсах. Много песен на стихи Суворова были созданы Владимиром Мигулей, Владимиром Успенским, Евгением Малышевым. Песни, написанные на стихи Суворова, звучали на Фестивале молодежи и студентов в 1985 году.

Светлое мироощущение и заставляет М. Суворова писать замечательные стихи для детей. Его сборник «Речка у крылечка» (1994) соответствует самому высокому и придиричивому вкусу. Замечательны стихи английской слепой и глухой поэтессы Фреды Натчер, редактора и издателя журнала «Радуга» Британского королевского общества инвалидов, которые Суворов переложил на русский язык и издал в виде сборника «Черный дрозд». Характерно, что этот поэтический мир тоже полон звуков и красок. Некоторые циклы поэта воспринимаются как произведения и для взрослых, и для их сыновей и дочерей. Например, «Голоса леса», где стихи звучат от имени березы и осины, боровика и мухомора, кукушки и сороки, зайца и муравья.

Михаил Суворов создал свой мир, оригинальный идиостиль, неповторимый и красочный, по памяти и в силу своего воображения. Постепенно складывалась исповедальная манера, характерная предметность восприятия. То, что другим удастся создать с помощью ежедневных личных визуальных впечатлений, М. Суворову приходилось постигать внутренним, духовным зрением. Стремясь к точности и реализму в изображении окружающего, он невольно его пересоздает, а значит, уходя от юношеской романтики к трезвому реализму, он так и не может, а возможно, и не хочет отказаться от черт романтизма, которые проявляются в его духовном мировидении. В этом он оригинален, этим он и интересен. И еще надо отметить неиссякаемый оптимизм поэта. Его жизнь проходила в темноте, и, тем не менее, сквозная черта поэзии М. Суворова – жизнерадостность. На первых порах это было связано с преодолением недуга, с радостью возвращения к активной жизни. Со временем вырабатывается и зреет мужественный характер, не стыдящийся признаться в своих муках и слабостях, но не афишировать их: «И нисколько не боюсь я, / Что окрестят бодрячком. / У меня характер русский: / Если плакать, то молчком».

Список литературы

1. Дементьев А. Восхождение к признанию: К 50-летию поэта // Калининская правда. 1980. 24 февр.
2. Николаева С. Ю. Новые тенденции в поэтическом творчестве Николая Капитанова и Владимира Львова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2017. № 1. С. 69–79.
3. Николаева С. Ю. Балладное и притчевое начала в рассказе А.П. Чехова «Ведьма» // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2013. № 4. С. 67–74.
4. Скворцов А. Гражданское мужество поэта // Смена. 1980. 23 февр.
5. Суворов М. Медленная мята. Тверь: Центрпрограммсистем, 1995. 79 с.
6. Суворов М. Песни разлук: Стихотворения и поэма. Тверь: Моск. рабочий, 1990. 158 с.

FEATURES OF IDIOSTYLE OF THE POETRY OF MIKHAIL SUVOROV

V. A. Redkin

Tver State University

the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation

The poetry of Mikhail Suvorov is, by its nature, realistic, with concreteness of facts, precision of details, and description of everyday life characteristic for realism. At the same time, in his poems there are elements of romanticism with its of dreaming, the opposition of the hero to the crowd, as well as an associative and metaphorical image system. A special place in its stylistic system is occupied by sound and color. The poet escapes to his inner world, never accepting contemporary social reality. In the best of his poems the poet rises to the philosophical level of understanding of life. The basis of his optimism is faith. He perceives nature as God's world. The skill and professionalism of the poet manifested itself in the diversity of the stanza pattern, in the subtle instrumentation, as well as the originality of the topical structure.

Keywords: *M. Suvorov, idiosstyle, romanticism, realism, sound painting, color painting, metaphoricity, nature, national character, faith, love, homeland.*

Об авторе:

РЕДЬКИН Валерий Александрович – доктор филологических наук, профессор кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: foidid-red@rambler.ru.

About the author:

REDKIN Valery Aleksandrovich – Doctor of Philology, Professor at the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: foidid-red@rambler.ru.